

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Глава 1. Темные Боги.....	13
Глава 2. Имена.....	35
Глава 3. Персоналии.....	91
Страх.....	102
Смерть.....	113
Смерть / Яга.....	114
Смерть / Богородица / Яга.....	114
Смерть / Недоля.....	114
Смерть / Зима.....	116
Смерть / Хворь.....	117
Смерть – Белая (Черная) Дама.....	123
Смерть / полудница / Яга.....	128
Яга.....	135
Яга / Смерть.....	136
Яга / Смерть / Хворь.....	141
Яга / Богородица (= Марена).....	142
Яга / Маринка.....	143
Яга / Перхта. Яга / Хольда.....	144
Яга / ведьма (стрига, босорка).....	146
Яга / Масленица-Марена.....	147
Яга / Лихо.....	154
Яга / Хворь.....	154
Яга / Пряха Судьбы (Пятница, Среда).....	155
Глава 4. Образ Богини.....	160
Цвет кожи/лица.....	170
Рост.....	183
Ноги.....	195
Руки.....	209
Голова.....	218

Лицо	225
Нос	233
Зубы	240
Рот	254
Язык	260
Глаза	264
Уши / слух	279
Волосы	280
Борода	295
Признаки пола	295
Глава 5. Тело Богини.....	300
Увечье	300
Грудь	303
Тучность	309
Худоба	311
Скелет	321
Красота / уродство.....	324
Возраст.....	336
Молодость.....	336
Старость	340
Облачения	347
Белые одежды	350
Черные одежды.....	373
Красные одежды	381
Богатое облачение.....	388
Бросовая одежда	389
Нагота	398
Головной убор	403
Прочее.....	404
Глава 6. Атрибуты Смерти.....	406
Сума заплечная.....	410
Коса	424
Серп.....	435
Меч / сабля.....	444
Нож.....	452

Топор / Секира.....	459
Копье / вилы / трезубец.....	463
Палка / дубинка / палица	468
Лук и стрелы.....	473
Огнестрельное оружие	478
Молот	479
Пила.....	481
Метла / веник	485
Грабли.....	499
Мотыга (заступ) / лопата	501
Аршин.....	503
Ступа и пест	503
Глаза.....	512
Платок.....	516
Книга / свиток.....	518
Крюк	522
Клюка	523
Шило	525
Чаша (с ядом).....	526
Ветки / прутья.....	531
Прялка / веретено / гребень	535
«Музыка».....	538
Часы.....	539
Свеча	540
Мертвая голова.....	544
Сковорода	546
Кухонно-печная утварь	551
Клещи.....	553
Разное.....	560
Послесловие	569
Список использованной литературы.....	571
Список принятых сокращений.....	641

Предисловие

«...любой поэт, почитающий Музу, должен в каком-то смысле умирать за свою богиню, которую он обожает...»

(Грейвс, С. 635)

Создать книгу, посвященную Богине Смерти, оказалось и сложно, и увлекательно одновременно. Сложно, ибо дорожка оказалась, по сути, нетореная, а материала по теме обнаружилось немалые горы. Но тут жаловаться как раз не на что. Увлекательно же – по причинам характера разного, среди которых немаловажными явились делаемые в процессе отбора и осмысления материала открытия о значении в славянском традиционном мировоззрении образа Марены, оказавшегося куда шире пределов обычно соотносимых с Ней ключевых понятий «Смерть» и «Зима». Но об этом – по ходу книги, забегать вперед не будем. Исключительно для установления взаимопонимания между автором и читателями отмечу: в книге Богиня всегда упоминается с заглавной буквы (Ее, Она) по причине того, что Она является для автора не абстрактным объектом исследования, но искренне почитаемой Богиней, одним из Древних Божеств, вера в которых постепенно возвращается по всей Европе.

Данное исследование анализирует на широком фольклорно-этнографическом материале дошедшие до настоящего времени сведения о славянской Богине Смерти. Прежде всего – представления о Ее внешнем облике, присущих Богине атрибутах, связанных с Мареной областях покровительства (грубо говоря, «функциях»), Ее культе и, несколько в меньшей степени, мифах. Привлекаемые сведения имеют весьма разное качество, объем и сохранность – от осколков дохристианских мифов с участием Марены до предельно сниженных образов Богини Смерти (мифологических персонажей (далее – МП), в

реконструкции соотносимых автором с Ней), от упоминаний Ее во фразеологизмах до отражения Ее имени в названиях болезней и растений. Понять, как славяне воспринимали Марену культово и «повседневно», можно лишь путем методичного исследования того, как в народной традиции описывали фигуры персонифицированной Смерти, Холеры / Чумы, сказочной Бабы Яги и десятка других МП, чаще всего – страшных, и почти всегда – несущих смерть. Корпус этих представлений имеет значительный интерес, поскольку воедино они прежде и в таком объеме не рассматривались. Также в значительной степени используются параллели из других традиций (прежде всего – народов индоевропейской языковой семьи), позволяющие говорить об архаичных закономерностях в описании Богини Смерти разными народами.

Необходимо также отметить, что проведенное исследование лежит совершенно в ином русле, нежели тексты радений Марене, созданные и опубликованные автором, волхвом Велеславом (И. Черкасовым) и покойным Яромиром Заточником. Ценность последних заключается в их духовном содержании. Научная же работа должным образом подытоживает, что нам известно с большей или меньшей (по причине использования свидетельств косвенного характера и параллелей) вероятностью о Марене как Богине. Ситуация, связанная с принятием новой религии, губительным образом сказалась на состоянии доступных исследователям сведений о мифологии и пантеоне древних славян. Прямых свидетельств ничтожно мало, при этом основная часть их происходит из-под пера «виновной стороны» – по определению пристрастных христианских авторов, случайным образом или в контексте своего обличения упомянувших дохристианских Богов. Позиция авторов научных работ, полагающих, что если чего-то подобными произведениями не упомянуто, то этого, следовательно, в мифологии славян не имелось в принципе, мне представляется в высшей степени странной и неприемлемой. Речь не идет о безбрежном фантазировании относительно того, что славяне были впереди

планеты всей и прибыли непосредственно с Сириуса миллион лет назад, с «аргументом» наподобие: «Летописи правили в угоду православной церкви!» Отнюдь. Но если имеются косвенные данные, данные логики, сравнительной мифологии, наконец, о том, что та же Богиня Смерти, как в нашем случае, была дохристианскому пантеону народов индоевропейской семьи языков известна, то отказ изучать вопрос (и делать выводы) по вышеупомянутой причине нужно полагать гиперкритичным, на грани абсурда. Не отражено в источниках – не означает категорического «не было». Важно не перейти границу, разделяющую ненаучную фантастику а-ля рюс, книгами которой завалены книжные прилавки, и строгий научный анализ, пусть и оперирующий фактами разной степени определенности. Стараясь не упустить и малейшей возможности, могущей стать важным аргументом в процессе реконструкции дохристианских представлений о Богине Смерти, через мелкое сито приходится просеивать неодинакового качества информацию, не пренебрегая данными весьма и весьма косвенными, и фрагментарными.

Сразу оговорю один принципиальный момент: в задачи данного исследования не входит описание истории изучения образа Марены в славянской традиции, равно как не является приоритетным для нас и критика различных взглядов на Марену, выданных в разное время учеными специалистами. Они в полном праве считать, к примеру, чучело Маржаны-Марены «пережитком жертвоприношений, приносившихся весенней воде» (Нидерле, С. 328), но критика подобных представлений кажется излишней. Как и в предыдущих своих работах, я намерен использовать аутентичные материалы из работ тех или иных исследователей, а также цитировать те их мнения и выводы, что логично увязываются с выдвигаемой в данной работе концепцией, версии же, противоречащие ей, либо будут оставлены в стороне (читатель при желании легко найдет их самостоятельно), либо отмечены факультативно. Причина тому – как нежелание перегружать непринципиальными све-

дениями и так весьма объемистую книгу, так и тот факт, что предлагаемая работа сама по себе, в силу высказываемых в ней мнений, является альтернативным взглядом на проблематику, что возможно лишь при критическом восприятии точек зрения предшественников. Наша позиция доказывается фактами и, следовательно, иные версии (что такой Богини славяне не знали, или что Марена-чучело – лишь символ утапливаемой в жертву девушки) ставятся под сомнение или и вовсе опровергаются как раз этими фактами, а это делает контраргументацию излишней.

* * *

Как и в большинстве своих работ, я предпочитаю прямое цитирование относящегося к теме исследования фрагмента текста источника. Безусловно, недостаток у такого приема имеется: он увеличивает как объем книги, так и объем информации, которую читателю приходится усваивать. Однако два других способа – пересказ и ссылка – мне кажутся менее подходящими. Пересказ, присущий популярным работам, не дает возможности адекватно отразить имеющуюся в источнике информацию, и всегда остается вероятность, что автор пересказа в чем-либо неверно отразит оригинал, неуместно расставит акценты. Хуже, впрочем, другое: если кому-то нужно воспользоваться данными сведениями уже в своей работе, то сослаться на пересказ очень неудобно, ибо можно получить эффект «испорченного телефона». Что до ссылок, то этот метод присущ сугубо научным изданиям и практикуется по причине экономии места, поскольку причастность читателя к научной среде автоматически подразумевает свободный доступ к источнику, на который ссылается автор. Вот тут-то и кроется основная проблема, ибо в массе своей эти источники оказываются малодоступны читателю, не имеющему прямого отношения к данному направлению науки. Они могут быть изданы сотню лет назад, напечатаны в региональном ма-

лотиражном сборнике, да еще и в иностранном государстве. И тогда получается, что ссылка ведет в никуда. Именно по этой причине прямое цитирование выигрывает: у читателя всегда остается возможность ознакомиться с оригинальным текстом непосредственно по мере чтения, сама же цитата позволяет без ссылки на данное издание привести ее в любом другом исследовании с оригинальными выходными данными. В ряде случаев я оставляю оригинальные цитаты на других славянских языках без перевода – ключевые слова в них выделены; все языки славянской семьи близки, так что фраза на польском или болгарском не должна стать непреодолимым препятствием; ну и все же какая-никакая, а экономия места.

Последнее замечание от автора. Изначально это – одна книга, однако она оказалась весьма большой и затрагивает очень разные стороны одной Богини. В силу этого работа разделена на четыре отдельные произведения, объединенные в одну серию **«Марена: образ, культ, миф»**. Первая книга серии: **«Марена. Богиня смерти в славянской языческой традиции»** – перед вами. За ней следуют вторая книга: **«Культ Марены. Мифы о Марене»**. Третья: **«Марена – владычица Зимы. Мифология масленичного ритуала»**. И четвертая: **«Марена. Лики Богини»**. Все книги серии содержат свой список литературы, в каждой имеются отсылки на другие книги серии, что позволит читателю не потерять мысль автора.

Моя огромная признательность всем тем, кто нашел время и возможность помочь в работе над книгой словом или делом, советом или материалом: добрейшему Святославу (Иржи Мачуде, г. Зноймо, Чехия), чьими стараниями я получил множество западнославянских источников; чудесной Раките (Валентине Бондаренко, г. Рязань), на чьи плечи пала тяжелая работа по редакции этого увесистого тома; умнейшему Константину Рахно и его замечательному отцу Юрию Александровичу Рахно (г. Полтава, Украина), пособившему с немецкими переводами; Валерии Колосовой (Санкт-Пе-

тербург) – за травы; верному идеалам Озару Ворону (Л. Прозорову) – за совместные мозговые штурмы; добром меня напутствовавшей Марине Валенцовой (Москва), что в любое время суток отвечала на вопросы по этимологии; Ирине Александровне Седаковой, помогшей с болгарскими и Пятницей; бескорыстному Бряну (Евгению Смолину, г. Тверь); моему лучшему другу волхву Велеславу Черкасову, с которым мне довелось обмениваться идеями; знатоку норвежского, пособившего мне с лютой северной Чумой – Светлояру (Алексее Сельницину), в чьем переводе даются цитаты из книг *Vsh* и *Heide*; замечательному переводчику-санскритологу, озаренному светом Дурги – Андрею Игнатьеву (г. Калининград); Анастасии Ломакиной, искавшей для меня Гекату своими переводами с английского.

ГЛАВА I

ТЁМНЫЕ БОГИ

«Если с вами случится, что вдруг пробежит по телу дрожь – это Морена перешагнула через ваш гроб (т.е. место будущей могилы, – Б.М.)»

Касторский, С. 115

Любой, кто более-менее ориентируется в проблематике славянской языческой религии, с полным на то основанием может задать два вопроса, в принципе ставящие под сомнение правомочность темы книги. Знали и почитали ли славяне-язычники Богиню Смерти? Есть ли факты, это подтверждающие? Скептик с легкостью зацепится за эти позиции и уже отсюда будет отвергать любые построения и утверждения тех, кто имеет не сходную с ним точку зрения. Поэтому и нам начинать работу, по-хорошему, следовало бы с ответа на них.

Имеются ли факты относительно поклонения славян-язычников Богине Смерти? Что ж, взглянем на ситуацию с точки зрения источников. Увы, со всей очевидностью следует признать, что более-менее современные моменту «крещения Руси» письменные источники ничего не говорят о Богине Смерти. Нет никаких надежных сведений, из которых бы читалось недвусмысленное: «Баба-Яга. Под этим именем почитали славяне адскую богиню, воображаемую страшилищем, сидящим в железной ступе и имеющим железный пест. Ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек» (Забылин, С. 256), «она имела у Славян должность Беллоны, или какой ужасной адской Богини» (Попов 1768, С. 47). Более того, среди имен Богинь, упоминаемых ранними текстами, нет ни одного, что можно было бы соотнести с Ней. Казалось бы,

чего ж еще? Если отцы-монахи в своих поучениях не сказали о Марене, следовательно, и говорить было не о чем. Примерно в таком духе и рассуждали отдельные ученые XIX-XX вв., отрицая у славян наличие Богини Мары исходя из соображений формальной логики: «Никакой богини Марены в том смысле, в каком это истолковывает Длугош, не было» (Нидерле, С. 328), «Морену (Марену), известную украинцам и западным славянам, обычно сопоставляют с корнем «мор» – смерть. Это не имя божества, не название обряда, а наименование куклы, подлежащей ритуальному уничтожению. Возможно, что этнографическая кукла – отголосок исторических человеческих жертвоприношений» (ЯДС, С. 378).

Однако такая установка на изучение языческого мировоззрения наших предков является совершенно неверной, и непредвзятому исследователю она только помешает. Если бы мы ограничивались только формальным подходом, то состояние дел в изучении древней религии славян было бы предельно удручающим. Но наука все же не стоит на месте, и со времен гиперкритичных Мансикки и Нидерле утекло много воды. Так что скудность прямых источников не помешала, к примеру, Вяч.Вс. Иванову и В.Н. Топорову реконструировать неотраженный ими прямо «грозовой миф», прибегнув к параллелям и косвенным сведениям. Наконец, надо помнить, что, наряду с «отрицателями» и одновременно с ними, другими исследователями положение о наличии у славян Богини Смерти активно отстаивалось: «В Чехии всеобщим является верование в смерть. Появляется она одетой в белое, с черными рукавицами, иногда в черном, с белым пером в шляпке. Это древняя языческая Богиня смерти (и далее о Марене-Моржане)» (Grohmann 2009, s. 53).

Нужно учитывать следующие детали: тексты, содержащие упоминания о славянских языческих Божествах, писались представителями враждебного стана и в целях не просветительских или хотя бы описательных, но исключительно полемических. Летописцу-монаху нужно было броско обозначить «языческие

суеверия», которые следовало обличать и проклинать, для чего в текст и вводилась определенная сумма имен и культовых реалий, ему хорошо знакомых лично или по предыдущим авторам, и должных легко опознаваться читателем или слушателем. Эта цель достигалась, но, разумеется, было бы наивным предполагать, что составитель обличения отразил в своем тексте все существующие в местности, где тот подвизался, представления о Богах, перечислил все имена их. Что-то всегда остается «за кадром». А применительно к древнерусскому и славянскому в целом лето- и бытописанию это «что-то» может достигать воистину громадных объемов. Это во-первых.

Во-вторых, наше представление о языческом пантеоне славян, основанное только на данных письменных текстов, упоминающих имена некоторых из Богов, в известной степени случайным образом попавших на их страницы, никоим образом не является полным еще и по той причине, что авторы обличений отражали лишь доступные им реалии, не имея возможности и необходимости расширять свой и читателя кругозор относительно языческих верований. Мы сейчас можем видеть, как в пределах губернии от одной деревни к другой разнятся диалекты, традиционная одежда, обрядность, при том, что формы хозяйствования в данном локусе идентичны. В деревнях, разделенных друг от друга парой километров, Масленица справляется не одинаково, там мастерят чучело, а тут – жгут краденую солому на перекрестках, подразумевая то же действие. При этом соседи прекрасно осведомлены об обычаях друг друга, тщательно подмечая (и порой высмеивая) чужие «странности». Хотите другой пример? В Греции, языческой Элладе, великой и непокорной, не было единой мифологии и единого пантеона, как можно подумать, глядя на схемы в школьных учебниках, в разных областях один и тот же миф рассказывали кардинально отлично, и столь же разное могли чтить одних и тех же Богов. Далее: местночтимые Боги на то и были местночтимыми, поскольку в других областях заселенной греками земли они не почитались и даже вовсе не были известны. У славян точно